

Вспомнить все!

Нонна Дари

С памятного дня освобождения Таганрога от немецко-фашистских захватчиков прошло 69 лет. К глубокому сожалению, все меньше остается непосредственных свидетелей тех трагических дней.

Тем ценнее их воспоминания.

Наш корреспондент побеседовал с Нонной Александровной Дари, которая в подростковом возрасте перенесла нацистскую оккупацию города и вместе с родными дождалась наших воинов-освободителей.

В ТОТ ДЕНЬ ПРИШЛИ ОККУПАНТЫ

- Нонна Александровна, чем запомнился первый день оккупации Таганрога?

- Мне тогда было десять лет, училась в третьем классе школы №22, которая в то время находилась на улице Шмидта. Наша дружная семья состояла из семи человек - бабушки с дедушкой (родителей мамы, в доме которых мы жили), мамы и маминой сестры Варвары с двумя дочками (четырёхлетней Людмилой и годовалой Юлией). В уютный домик на Греческой, 6 (недалеко от памятника Петру Первому) родню собрали разные судьбы. Мама и я несколько лет назад прибыли из Москвы, где волной незаконных репрессий накрыло отца - преподавателя престижного вуза, тетя Варя - из Каменец-Подольска после ухода на фронт мужа.

Утром 17 октября 1941 года мама пошла на работу, а меня, как обычно, бабушка провожала в школу. Неожиданно к калитке подошла соседка и сказала, что в школу идти не надо - немцы под Таганрогом. Днем с картонной фабрики, находившейся около современного «шлагбаума», прибежала мама и сообщила, что с работы все самовольно ушли, несмотря на попытки директора задержать рабочих и служащих. В воздухе уже стоял запах горелого хлеба, который доносил ветер из порта, где полыхали склады с зерном, подожженные нашими при отступлении. По городу ходили слухи, что там были и макаронные изделия.

- Неужели горожане, зная о наступающих нелегких временах, дали добру пропасть?

- Нет, конечно. Вместе с другими в порт побежала тетя Варя. Мама и я остались на хозяйстве - присматривать за детьми и престарелыми родителями. Во второй половине дня началась сильная стрельба, и мы бросились в предусмотрительно вырытый в нашем дворе окоп. Все, за исключением дедушки, участника последней русско-турецкой войны, - он продолжал спокойно пить чай на кухне. Вскоре в калитку влетела тетя Варя. Отдышавшись, она рассказала, что, взяв в портовых складах ящик с макаронами, на улице Чехова натолкнулась на немецкий танк, шедший к маяку. От страха тетя бросила макароны и побежала закоулками домой. Немецкий танкист из открытого башенного люка что-то кричал ей вслед, показывая на ящик, но не стрелял. Очевидно, предлагал не бояться и забрать ношу.

Наконец канонада стихла. Мы с мамой и двоюродной сестренкой Людмилой осмелились выйти за калитку. К нам от группы сидящих на газоне солдат подошли три немца, один из которых был ранен в голову, и знаками попросили помочь наложить повязку. Мама отвела их в дом и трясущимися руками, используя запасы домашней аптечки, перевязала солдата.

Его товарищи поблагодарили кивком головы. Мы тогда еще не знали, что в оккупации нам придется провести почти два долгих года, мучаясь от голода и холода военными зимами...

ОТ ГОЛОДА НАС СПАС ГАСАН

- Вы рассказывали, что в самый тяжелый момент вам на помощь пришла верная овчарка по кличке Гасан. Нельзя ли об этом подробнее?

- Вскоре к нам перешел жить еще один родственник – не успевший эвакуироваться с Макеевским металлургическим заводом инженер мамин брат дядя Костя. Горелое зерно, которое все же удалось набрать в порту, заканчивалось, все более или менее ценные вещи уже обменяли на продукты. Нас мучил голод, взрослые кое-как держались на маленьких лепешках - по одной раз в день. Моя маленькая кузина Юленька буквально изводила всех хныканьем «Дай пыш!» (пышку). И вот в один из таких тяжелейших дней наша овчарка Гасан, которую мы от безысходности отпустили со двора «на вольные хлеба», принесла в дом буханку хлеба. Где ее взял верный пес, было загадкой, но потом мы поняли: умная собака, чувствуя наши страдания, стащила ее с армейской немецкой кухни, располагавшейся на Греческой, 14.

Около двух месяцев овчарка совершала один-два раза в неделю «рейды» за продовольствием и несколько раз даже умудрились принести в зубах открытые банки с тушенкой. Потом Гасан исчез, мы нашли его застреленным около немецкой кухни. Однако в наиболее мрачный период он не дал погибнуть от голода нашей многочисленной семье. До сих пор я с благодарностью смотрю на чудом сохранившуюся фотографию преданного четвероногого друга.

Вот так мы и выжили... И все же дедушка не вынес испытания и не дождался светлого дня освобождения.

НАШИ В ГОРОДЕ!

- Чем же запомнился этот знаменательный день?

- Примерно за неделю до 30 августа 1943 года район порта, где мы жили, стали интенсивно бомбить наши самолеты, стремясь помешать немцам эвакуироваться морем. Попутно доставалось и нам. Дом родителей мамы был испещрен осколками, а в соседнем дворе взорвалась «фугаска». Мы вынуждены были спастись в капитальном подвале у хороших знакомых, живших подальше от порта. Там, когда завершилась очередная бомбежка, мы вышли из убежища на улицу и услышали крики людей: «Наши в городе!» Побежали на улицу Ленина и увидели советский танк, который окружили люди. К вечеру, оправившись от радостного шока, вернулись в свой поврежденный, но родной домик и с непривычки от наступившей тишины долго не могли заснуть.

Так пришло освобождение. Конечно, я рассказала с точки зрения подростка лишь о наиболее ярких драматических фрагментах жизни в оккупированном городе. Однако их, думаю, достаточно, чтобы наша молодежь поняла: фашизм и нацизм не абстрактное, а реальное зло, с которым надо бороться.